

А. А. МОЛЧАНОВ

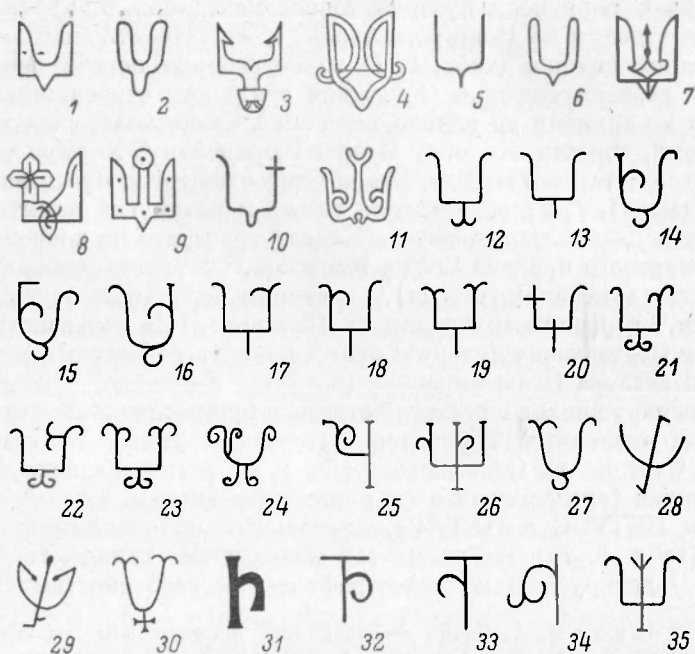
ОБ АТРИБУЦИИ ЛИЧНО-РОДОВЫХ ЗНАКОВ КНЯЗЕЙ РЮРИКОВИЧЕЙ X—XIII вв.

Изучение княжеских знаков, обнаруживаемых на многочисленных археологических, нумизматических и сфрагистических памятниках домонгольской Руси, по-прежнему остается актуальной темой для исследователей древнерусской геральдики, хотя в отечественной историографии уже удалось решить многие важные вопросы, связанные с происхождением и бытованием тамг Рюриковичей.¹ Накопление новых материалов и установление конкретной принадлежности различных вариантов этих геральдических эмблем позволяют постепенно реконструировать их сводную генеалогическую таблицу и тем самым детальнее проследить последовательную эволюцию лично-родового знака князей Рюрика дома на протяжении примерно трех с половиной столетий — с первой половины X до середины XIII в.

Как известно, древнейшие русские монеты были той группой памятников со знаками Рюриковичей, которая раньше других стала известна науке и начала интенсивно изучаться. Именно благодаря монетам, несущим изображения тамги, последняя и была в свое время определена как эмблема — знак княжеской собственности. Исследование типологических взаимовлияний монет Владимира Святославича, Святополка Окаянного, Ярослава Мудрого и древнерусских булл архаической традиции дало точную атрибуцию уже куда большего числа вариантов княжеских тамг на нумизматических, сфрагистических и археологических памятниках X—XI вв., чем было известно лишь по златникам и сребреникам.²

¹ Свердлов М. Б. Геральдика. — В кн.: Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979, с. 178—182.

² Как теперь выясняется, тамги Рюриковичей впервые появились на монетном серебре, обращавшемся на территории Древнерусского государства в X в., еще до чеканки сребреников Владимира Святославича: они наносились как граффити на попадавшие на Русь иноземные монеты (см.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978, с. 143—144).

Т а б л. I. Лично-родовые знаки князей Рюриковичей X—XIII вв.

1 — на серебряной бляшке из погребения первой половины X в.; 2 — на печати Святослава Игоревича; 3 — на деревянном изделии из Новгорода; 4 — на костяной пластинке из Саркела; 5 — на керамике из Саркела; 6 — на гончарном клейме из Изяславля; 7 — на монетах Владимира Святославича; 8 — на монетах Святополка Окаянного; 9 — на монетах Ярослава Мудрого; 10 — на таманском «брактеате»; 11 — на печати Изяслава Ярославича; 12 — на кирпичях церкви Димитрия Солунского в Пскове; 13 — на можжевеловой палочке из Новгорода (нижний) и камне у с. Волгино-Верховье; 14 — на буллах № 297, 298 и Золотых воротах во Владимире; 15 — на Боголюбовском кивории; 16 — на перстне из Галича Южного; 17 — на буллах № 283, 284; 18 — на буллах № 285, 286, 295; 19 — на булле № 287; 20 — на булле № 289; 21 — на буллах № 290, 291; 22 — на булле № 292; 23 — на буллах № 293, 294; 24 — на стенке деревянной кадки-долбленки из Новгорода; 25 — на можжевеловой палочке из Новгорода (верхний); 26 — на булле № 296; 27 — на булле № 299 и пломбах дрогичинского типа из Новгорода и Старой Руссы; 28 — на булле № 300; 29 — на булле № 301; 30 — на булле № 302; 31 — на булле № 305; 32 — на буллах № 306, 307; 33 — на Лопастинском кресте; 34 — на буллах № 308, 309; 35 — на перстне из урочища Святое Озеро (Черниговщина).

Отнесение печати с изображением княжеского знака в виде простого двузубца (табл. I, 2) Святославу Игоревичу³ обуславливает возможность приписывать ему же аналогичные знаки на костяной пластинке (табл. I, 4)⁴ и керамике (табл. I, 5)⁵ из Саркела, завоеванного Святославом в 965 г., гончарном клейме из

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 166, № 1.

⁴ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 430.

⁵ Щербак А. М. 1) Знаки на керамике из Саркела. — Эпиграфика Востока, М.; Л., 1958, т. XII, с. 53, табл. I; 2) Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи. — МИА СССР, 1959, № 75, с. 364, рис. 1, табл. VI.

курганного некрополя древнего Изяслава (табл. I, 6)⁶ и деревянном изделии из Новгорода (табл. I, 3).⁷ Идентичный знак на серебряной бляшке (табл. I, 1) из погребения первой половины X в. у деревни Лебедки Орловской обл.,⁸ как относящийся бесспорно ко времени до начала княжения Святослава, следует, по видимому, отнести его отцу Игорю Рюриковичу. Хорошо известные по монетам знаки Владимира Святославича и Ярослава Мудрого (табл. I, 7, 9) встречаются также и на других памятниках: кирпичях Десятинной церкви в Киеве,⁹ граффито на южной стене Владимирского придела Софии Киевской,¹⁰ верительных знаках — подвесках («печатах гостей»),¹¹ костяном налучье из раскопок на Тамани,¹² деревянном изделии из Новгорода.¹³ На паш взгляд, Владимиру Святославичу следует отнести и знак на печати полоцкого князя Изяслава Владимировича (его сына и вассала),¹⁴ поскольку он не обнаруживает никакого четкого и принципиального отличия от многочисленных вариантов начертания тамги Владимира.¹⁵ Тамга Святополка Окаянного (табл. I, 8) встречена пока только на монетах (сребрениках с его княжеским именем, а также с надписями ПЕТРОС и ПЕТАР). Зеркальный по отношению к ней знак (табл. I, 10) выбит на так называемом таманском «брактее»,¹⁶ датируемом по палеографическим особенностям его ле-

⁶ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — Сов. археология, 1940, т. VI, с. 249, рис. 70.

⁷ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. — САИ, 1968, вып. Е1-55, с. 22, рис. 12, 8 (дендрохронологическая дата: 953—972 гг.).

⁸ Ширинский С. С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 221, примеч. 28.

⁹ Рыбаков Б. А. Знаки собственности..., с. 247, рис. 64.

¹⁰ Высоцкий С. А. 1) Древнерусские граффити Софии Киевской. — Нумизматика и эпиграфика, 1962, т. III, табл. XIII—XIV, 4; 2) Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, вып. 1, табл. LXIX—LXX, 1.

¹¹ Молчанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы. — Всюм. ист. дисциплины, 1976, т. VII, с. 69—91.

¹² Рыбаков Б. А. Знаки собственности..., с. 241—242, рис. 41 (явно утрированная прорисовка). Автор приписывает данный знак Мстиславу Тмутараканскому. Однако В. В. Мавродин, работавший непосредственно с самим предметом, говорит об изображенной на налучье тамге Ярослава (Мавродин В. В. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани. — Пробл. истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 224).

¹³ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 22, рис. 12, 3 (дендрохронологическая дата: 972—989 гг.).

¹⁴ Янин В. Л. 1) Древнейшая русская печать X века. — КСИИМК, 1955, вып. 57, с. 39—46, рис. 11; 2) Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — МИА СССР, 1956, № 55, с. 157—158, табл. V, 42.

¹⁵ Не случайно В. Л. Янин, чтобы выявить конкретную индивидуальность данного знака, при переиздании его прорисовки в Корпусе древнерусских булл (№ 2) присоединяет к его левому зубку букву «О» из круговой легенды в качестве добавочного элемента, специально оговаривая это (Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 41).

¹⁶ Ранее предложенные атрибуции этого памятника (см.: Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, с. 85; Энго-

генды первой половиной XI в., что заставляет видеть во владельце этого знака тмутараканского князя Мстислава Владимировича Храброго. Из представителей следующего поколения княжеского рода Рюриковичей Изяслав Ярославич, сын Ярослава Мудрого, имел, как показывает его печать, убедительно датированная В. Л. Яниным 1052—1054 гг.,¹⁷ тамгу в виде трезубца с полумесяцем на вершине центрального зубца (табл. I, II).

Для точного и правильного определения более поздних тамг (до середины XIII в.) решающее значение имеет атрибуция второй по численности группы древнерусских булл домонгольского времени — печатей с изображением княжеских знаков XII—начала XIII вв., причем исследование попутно с данными сфрагистическими памятниками некоторых синхронных им археологических находок позволяет выяснить личную принадлежность встречающихся на последних тамгообразных геральдических эмблем.¹⁸ Разумеется, при нынешнем состоянии наличного материала не приходится настаивать на абсолютном и окончательном характере всех выводов, тем более самых частных, касающихся отдельных разновидностей булл указанной группы (факт, очевидный для каждого, кто знаком с данным материалом). И в этом смысле, конечно, нельзя не согласиться с Б. Д. Ершевым,¹⁹ вполне справедливо отмечающим допустимость уточнений некоторых второстепенных положений нашей атрибуции. Однако сомнения названного автора по поводу возможности не только отнесения рассматриваемых сфрагистических памятников к атрибутам смешного суда новгородского посадника и князя XII—начала XIII в., но и вообще какого-либо аргументированного установления их принадлежности в настоящее время²⁰ мы никак не можем признать обоснованными.

Б. Д. Ершевский считает, что предложенные нами атрибуции отдельных булл выглядят спорными по тем или иным причинам. В частности, наши определения тамг, встречающихся на печатях, представляются ему не соответствующими предполагаемым принципам распределения лично-родовых геральдических эмблем

ватов Н. В. Таманский брактрат Всеволода (Кирилла) Ольговича. — Нумизматика и сфрагистика, 1963, т. 1, с. 103—108) основывались на неверных методических приемах работы со сфрагистическим материалом (ср.: Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 138—143).

¹⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 35—36, № 3.

¹⁸ Молчанов А. А. 1) Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков. — В кн.: Пробл. истории СССР. М., 1974, вып. IV, с. 19—32; 2) Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976, с. 14—16; 3) О четырех новгородских посадничьих печатях XII в. — Вспом. ист. дисциплины, 1980, т. XII, с. 213—219.

¹⁹ Ершевский Б. Д. 1) Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII—начала XIII в. с изображением княжеских знаков. — Вспом. ист. дисциплины, 1978, т. X, с. 43—52; 2) Об одной группе новгородских свиновых пломб XII—первой трети XIII в. — Вести. МГУ, История, 1979, № 4, с. 57—60.

²⁰ Ершевский Б. Д. Об атрибуции..., с. 53.

среди представителей отдельных ветвей княжеского рода Рюриковичей. В XII—начале XIII в., т. е. в период, к которому, по всем данным, относятся новгородские буллы с изображением княжеских знаков четырех принципиальных разновидностей, в Новгороде сидели, сменяя друг друга, князья из трех ветвей Рюрика дома: Мстиславичи (старшей и младшей линий), Святославичи черниговские и Юрьевичи суздальские. Принадлежность Мстиславичам знаков в виде двузубцев прямоугольных очертаний, а Юрьевичам — знаков колоколовидной формы устанавливается в результате обнаружения таких тамг на памятниках архитектуры и произведениях искусства, заказчики которых могут быть совершенно безошибочно разысканы среди представителей той и другой ветви Рюриковичей (ср. знаки на кирпичях церкви Дмитрия Солунского в Пскове, на камне из села Волгино-Верховье, на Золотых воротах во Владимире, на Боголюбском кивории и на перстне из Галича Южного; табл. I, 12—16).²¹

Знаки багровидной формы также приписываются суздальским Юрьевичам не только путем логических умозаключений, приводящих к атрибуции несущих их булл,²² но и в результате непосредственных наблюдений над их совместным с колоколовидными знаками бытованием на одних и тех же сфрагистических памятниках. Так, например, на одной пломбе, изданной еще Н. П. Лихачевым,²³ помещены одновременно два знака: колоколовидный знак, атрибуированный благодаря находке упомянутого выше перстня из Галича Южного как знак Всеволода Большое Гнездо (табл. I, 16),²⁴ и багровидный знак, отнесенный нами в процессе исследования булл № 306 и 307 сыну Всеволода Константину (табл. I, 32).²⁵ Черниговским Святославичам могут, следовательно, принадлежать знаки последней (остающейся еще не приуроченной) из четырех указанных принципиальных разновидностей — с центральной вертикальной чертой и прямоугольными ответвлениями боковых зубцов: такие, как тамга на печати № 296

²¹ Белецкий В. Клейма на кирпичях XII века из церкви Дмитрия Солунского в Пскове. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1971, вып. 33, с. 58, рис. 4—6; Ильин С. П. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги. — КСИИМК, 1947, вып. 17, с. 180—181, рис. 76; Рыбаков Б. А. Знаки собственности. . . , с. 232—233; Володченко З. А. Перстень-печать XII в. — КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 62—67, рис. 15.

²² Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати, с. 24—27.

²³ Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930, вып. 2, с. 209, рис. 191; Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. — КСИИМК, 1956, вып. 64, с. 11, рис. 5, 6.

²⁴ Володченко З. А. Перстень-печать XII в., с. 62—67.

²⁵ Тамга на Лопастницком кресте (табл. I, 33), установленном в качестве межевого знака на стыке земель Смоленского княжества и Великого Новгорода, а также подчиненной последнему с правами некоторой автономии Новоторжской волости (ср.: Янин В. Л. К вопросу о дате Лопастницкого креста. — КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 31—34, рис. 9), принадлежала, по-видимому, брату Константина владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, который в 1224 г., во время острого конфликта с повстанцами, на некоторое время занял Новый Торг.

(табл. I, 26) или же тамга на можжевелевой палочке из новгородских раскопок 1956 г. (табл. I, 25), которую Б. Д. Ершевский считает знаком багровидной формы (несмотря на ее прямоугольные очертания) и из-за этого принимает за зеркальный вариант знака булл № 308 и 309 (табл. I, 34).²⁶ Таким образом, никаких противоречий между результатами наших атрибуций и прежними выводами исследователей по поводу общих закономерностей эволюции и отдельных вполне безупречных отождествлений вариантов княжеской лично-родовой эмблемы (внутри ее основных принципиальных разновидностей) не существует.

Теперь перейдем к разбору возражений более частного порядка, выдвинутых Б. Д. Ершевским в противовес нашей аргументации. Вспомнив вновь, что принадлежность тамг багровидной формы, так же как и колоколовидных, суздальским князьям подтверждается фактом совместного появления тех и других на одном сфрагистическом памятнике, мы вынуждены отвергнуть возможность альтернативного отнесения печати № 309 князю Мстиславу Мстиславичу (из смоленских Рюриковичей) или князю Ярославу Всеволодовичу (сыну Всеволода Большое Гнездо)²⁷ и можем приписать ее только последнему.

Правильность атрибуции печатей № 305 и 308 Б. Д. Ершевский ставит под сомнение, опираясь на собственную трактовку пломб дрогичинского типа из новгородских находок.²⁸ Ссылаясь на вполне логичное предположение В. Л. Янина о применении части пломб для скрепления актов, Б. Д. Ершевский далее уже без каких-либо дополнительных доказательств, всего лишь на основании сходства композиционного оформления, видит в пломбах с княжескими тамгами сфрагистические памятники, аналогичные и равнозначные печатям с изображением княжеских знаков. Однако указанного им сходства (одинаковая композиционная схема: тамга — патрональное изображение святого) явно недостаточно для отождествления сферы применения заведомых булл и пломб дрогичинского типа. Слишком уж разительно отличие в прочих важнейших элементах оформления тех и других, и прежде всего в размерах и тщательности исполнения. Об этом отличии В. Л. Янин говорит следующее: «Выделяя такие печати (безусловно актовые, — А. М.), мы главным их отличием признаем не наличие надписи, которая изредка встречается и на дрогичинских пломбах, а те технические особенности, которые резко отличают эти предметы от дрогичинских пломб. Последним свойственны очень малый размер (около 10—12 мм) и крайняя небрежность. Пломбы обычно имеют неровные рваные края, тогда как печати изготовлены тщательно и аккуратно, в технической манере, характерной, например, для булл, несущих изобра-

²⁶ Ершевский Б. Д. Об атрибуции..., с. 44.

²⁷ Ершевский Б. Д. 1) Об атрибуции..., с. 44—45; 2) Об одной группе..., с. 57—58.

²⁸ Ершевский Б. Д. Об атрибуции..., с. 39—42, 45—46.

жение двух святых. Их размер совпадает с размером последних, т. е. колеблется вокруг 20 мм». ²⁹

Вопрос о назначении тех или иных типов дрогичинских пломб очень сложен. Часть пломб могла быть товарными пломбами, как это предполагали первые исследователи данного вида сфрагистических памятников (К. В. Болсуновский, Н. П. Лихачев, А. В. Орешников и др.). В отношении многих экземпляров действительно можно допустить использование их для скрепления каких-то актов, скорее всего второстепенного значения. Часть пломб, и в первую очередь несущие княжеские тамги, учитывая новые данные письменных источников (сообщение посетившего Русь в 1150—1153 гг. арабского путешественника Абу-Хамида ал-Гарнати и текст новгородской берестяной грамоты № 490 со словами «куны шить»), несомненно следует связывать с практикой опломбирования «меховых денег» — сшитых в пачки шуток мелких пушных зверей. Поэтому по меньшей мере рискованно априорно смешивать два, по всей вероятности, совершенно различных по сфере их применения вида сфрагистических памятников, несущих знаки Рюриковичей, — актов печати и пломбы. ³⁰ В данной связи нельзя не учитывать и очень важное предостережение, адресованное В. Л. Яниным всем будущим исследователям данной группы памятников древнерусской сфрагистики: «...вне зависимости от степени изученности дрогичинских пломб можно, как кажется, утверждать, что их исследование не должно быть самодовлеющим; оно было бы до крайности осложнено без учета предварительных наблюдений над бесспорными материалами актовой сфрагистики». ³¹ При работе с однотипными по композиционному оформлению буллами и пломбами атрибуция пломб может достаточно успешно и обоснованно следовать пока только за атрибуцией булл (так, атрибутируя печати с изображением лично-родовых знаков князей Рюриковичей, удается по идентичным тамгам определить княжескую принадлежность некоторых пломб ³²). В целом же приходится констатировать, что пломбы дрогичинского типа остаются по-прежнему почти неизученными,

²⁹ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 132.

³⁰ Ср. применение аналогичного подхода к изучению сфрагистического материала в связи с атрибуцией других групп новгородских пломб дрогичинского типа: Ершевский Б. Д. 1) Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.). — Сов. археология, 1978, № 2, с. 243—246; 2) Об одной группе..., с. 51—56; 3) Новгородские свинцовые пломбы конца XI—первой трети XIII в. как источник для политической истории Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979, с. 9—14. Следует особо отметить, что утверждение о коренных типологических и фактурных отличиях всех новгородских пломб дрогичинского типа от пломб, обнаруженных в других пунктах на территории Древней Руси, не соответствует действительности.

³¹ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 132.

³² Ср., напр., знак на печати № 299 и пломбе дрогичинского типа, изданной ошибочно как новая разновидность буллы под номером 299-а (Матюшкина Г. И. Новые находки вислых печатей из раскопок 1970—1973 гг. — Вестн. МГУ, История, 1976, № 1, с. 55—56, табл. I, 2, б).

а их тщательная и полная систематизация, за которой только и должна последовать конкретная и хорошо обоснованная атрибуция отдельных типов и хронологических разрядов пломб, продолжает оставаться нерешенной задачей для ученых — специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин.³³

Возвращаясь к печатям № 305 и 308, мы должны отметить, что остальные возражения Б. Д. Ершевского по поводу их атрибуции, предложенной нами, связаны с подсчетом численного соотношения дошедших до нас экземпляров булл той или иной разновидности. При этом статистические сравнения проводятся с привлечением данных о разнородных группах сфрагистических памятников. Так, Б. Д. Ершевский говорит о слишком большом, на его взгляд, числе известных печатей посадника Иванки Дмитриевича (со знаком князя Всеволода Юрьевича), после того как приплюсовывает к 5 экземплярам булл этой разновидности (№ 305) еще 10 экземпляров пломб дрогичинского типа.³⁴ Что касается упоминаемой Б. Д. Ершевским пломбы со знаком колоколовидной формы из новгородских раскопок, имеющей дендрохронологическую дату 1224—1238 гг., то тамга на ней, как можно видеть на подлиннике (ОН ГИМ, инв. № 99453, П-110), не просматривается целиком (при этом правый зубец в отличие от того, как он представлен на прорисовке указанного исследователя, увенчивается в действительности, помимо левого отрога, еще и отрогом вправо, а форма левого зубца и форма отрога, лежащего в основании всей фигуры, вообще точно не определимы из-за неудовлетворительной сохранности предмета). Поэтому атрибутировать данную тамгу в настоящее время невозможно.

Сомнения Б. Д. Ершевского по поводу нашей атрибуции булл № 306 и 307³⁵ связаны с предположением о том, что эмблемы князя и посадника, современных, но враждебных друг другу, не могли сочетаться на одной и той же печати. Но, как известно, употребление булл какого-либо типа вызывалось к жизни всегда практическими потребностями скрепления юридических документов определенного вида. Следовательно, соединение эмблем князя и посадника на печатях, удостоверяющих акты их смешанного суда, было бы призвано официально отражать реальное и юридическое сосуществование того и другого, а никак не их политические симпатии. Быть может, внутривластная ситуация в Новгороде

³³ Весьма любопытен тот факт, что в некоторых случаях на дрогичинских пломбах под изображениями, оттиснутыми одной парой матриц, обнаруживаются следы более ранних отпечатков другого буллотипа (ср., напр.: Шеломенцев-Герской В. С. Новые находки печатей из летописного Звенигорода. — В кн.: Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968, т. 3, с. 166, рис. 3; см. также пломбы из собрания ГИМ). Выявление подобных «перечеканок» (если пользоваться нумизматической терминологией) может оказаться очень важным для установления относительной хронологии различных типов пломб.

³⁴ Ершевский Б. Д. Об атрибуции. . ., с. 46.

³⁵ Ершевский Б. Д. 1) Об атрибуции. . ., с. 47—49; 2) Об одной группе. . ., с. 58—59.

в обстановке взаимной враждебности князя и посадника как раз и порождала подчас особую необходимость утверждения или переутверждения тех или иных актов смешного суда. Во всяком случае закономерности возрастания и снижения интенсивности применения булл рассматриваемого типа, вероятно, могли зависеть от многих причин самого различного свойства и вряд ли могут быть установлены теперь. Разбирая же нашу атрибуцию булл № 306 и 307 с геральдической точки зрения, Б. Д. Ершевский снова упускает из виду то, что принадлежность княжеских знаков багровидной формы определяется и иным, совершенно самостоятельным способом.

На тезис об обязательной связи функционирования буллы посадничье-княжеского смешного суда с полной политической лояльностью посадника по отношению к князю опирается Б. Д. Ершевский и при разборе выдвинутой нами аргументации в пользу конкретного определения печатей № 297 и 298.³⁶ Здесь же он вновь полагается на недостаточно надежный, как указывалось выше, сравнительно-статистический подсчет дошедших до нас экземпляров булл отдельных разновидностей. С аналогичным подсчетом и с повторяющимся смешением булл и пломб дрогичинского типа связана критическая оценка Б. Д. Ершевским нашей атрибуции печатей № 283, 285 и 286.³⁷

Лучшим доказательством правильности принципа атрибуирования булл с изображением княжеских знаков XII—начала XIII в. может явиться, разумеется, лишь успешное доведение его до логического конца, т. е. как можно более полное определение всех известных в настоящее время разновидностей. В частности, для атрибуции булл этого типа важное значение имеет вопрос о том, соответствует ли общее число различных святых на неатрибуированных еще печатях числу новгородских посадников, остающихся известными нам только под своими языческими именами (в любом случае общее число патронов-святых, естественно, никак не может превышать числа возможных тезоименитых им владельцев булл). За период, к которому относятся новгородские буллы с изображением княжеских знаков, христианские имена лишь четырех посадников остаются пока неизвестными: Якуна (посадничал в 1167—1169/70 гг.), Жирослава (посадничал в 1169/70—1171, 1171—1172 и 1175 гг.), Завида Неревинича (посадничал в 1175—1176, 1177—1180 и 1184—1186 гг.) и Внезда Водовика (посадничал в 1229—1230 гг.). Какие же святые изображены на буллах рассматриваемого типа, не получивших еще атрибуции?

На печати № 290 с тамгой в виде двузубца прямоугольных очертаний (тамгами такой формы пользовались смоленские Мстиславичи) святой в длинных одеждах, как указывает

³⁶ Ершевский Б. Д. Об атрибуции..., с. 49—50.

³⁷ Ершевский Б. Д. 1) Об атрибуции..., с. 50—52; 2) Об одной группе..., с. 59—60.

В. Л. Янин,³⁸ может быть определен скорее всего как Иоанн Предтеча или Андрей Первозванный. Если это Иоанн Предтеча, то он, казалось бы, мог быть патроном посадника Иванки Захарьинича (посадничал в 1171 и 1172—1175 гг.), при котором в Новгороде княжил только один из Мстиславичей — Рюрик Ростиславич (на новгородском столе с 4 ноября 1170 г. до конца 1171 г.). Тогда печать № 290, как несущая тамгу Рюрика Ростиславича, должна была бы датироваться 1171 г., а печать № 291 с идентичной тамгой и изображением святого воина — 1170—1171 гг., когда при том же князе посадничал Жирослав. Однако, как мы знаем, патроном посадника Иванки Захарьинича был не Иоанн Предтеча, а Иоанн Богослов,³⁹ и, следовательно, для булл № 290 и 291 должна быть предложена иная атрибуция. Поэтому из двух святых, предложенных В. Л. Яниным в качестве наиболее подходящих кандидатов на отождествление со святым на печати № 290 (Иоанн Предтеча и Андрей Первозванный), остается теперь только один — Андрей Первозванный.

На нескольких печатях (№ 287, 291, 301 и 303) находится изображение святого воина, имя которого или не читается из-за неудовлетворительной сохранности легенды (№ 287 и 303) или вообще отсутствует (№ 291 и 301). Обратимся сначала к булле № 291 с княжеским знаком в виде двузубца прямоугольных очертаний (вершина его левого зубца отогнута влево, вершина правого зубца раздваивается на отроги влево и вправо, а отрог, лежащий в основании всей фигуры, имеет вид ласточкина хвоста: табл. I, 21). Святой воин на ней непоименован. Так как он безбородый, то, по мнению В. Л. Янина, это Георгий Победоносец или Димитрий Солунский.⁴⁰ Имеется возможность уточнить, кто же именно из этих двух святых изображен на булле № 291. Если бы это был святой Георгий, то ее можно было бы связывать с посадником Судилой Иванковичем, христианское имя которого было Георгий.⁴¹ Но этому как будто препятствует одно важное обстоятельство. Идентичный знак несет упоминавшаяся выше булла № 290 с изображением другого святого (по всей видимости, Андрея Первозванного), и, следовательно, при князе — владельце тамги обеих булл должны были посадничать не менее двух различных лиц. За два посадничества Судилы (1141—1144 и 1147—1156 гг.) на новгородском столе сидели четыре князя — представители двух поколений Мстиславичей, среди которых следует искать обладателя тамги в виде двузубца прямоугольных очертаний: Святополк (1142—1148 гг.) и Ростислав (1154 г. — его первое новгородское княжение) Мстиславичи, а также Ярослав Изяславич (1148—1154 гг.) и Давыд Ростиславич (декабрь

³⁸ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 135.

³⁹ Молчанов А. А. О четырех новгородских посадничьих печатях XII в., с. 215.

⁴⁰ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 135 (ср.: Лихачев Н. П. Материалы..., вып. 2, с. 203).

⁴¹ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 28.

1154 г.—январь 1155 г.). Тамги двух первых нами уже были определены,⁴² и они отличаются от знака булл № 290 и 291. Знаки Ярослава Изяславича и Давыда Ростиславича хотя и неизвестны нам, но тоже не могут находиться на указанных буллах, ибо эти князья не княжили ни при каких других посадниках, кроме Судилы. Таким образом, булла № 291, казалось бы, не могла принадлежать посаднику Судиле-Георгию. Однако, как справедливо указал В. Л. Янин, княжение Давыда Ростиславича в Новгороде представляется весьма сомнительным. Согласно другим, более достоверным данным, новгородский стол с апреля 1154 г. по январь 1155 г. занимал другой сын Ростислава Мстиславича Смоленского — Роман.⁴³ Этот Роман Ростиславич вторично княжил в Новгороде с весны до осени 1179 г. при посаднике Завиде Неревиниче, так что отнесение буллы № 291 посаднику Судиле-Георгию Иванковичу и князю Роману Ростиславичу при ее датировке 1154—1155 гг. удовлетворяет всем необходимым условиям. Отсюда же следует, что булла № 290, несущая тамгу того же князя Романа Ростиславича и патрональное изображение Андрея Первозванного, принадлежала посаднику Завиду Неревиничу и датируется 1179 г.

На печати № 287 изображение святого воина сочетается с тамгой в виде двузубца прямоугольных очертаний, оба зубца которого симметрично завершаются двумя отогнутыми в разные стороны отрогами, а лежащий в основании всей фигуры отрог — прямой (табл. I, 19). Если святой на этой булле — Георгий Победоносец (справа от фигуры святого можно разобрать букву Г, данную в зеркальном отражении), то владельцем ее мог быть посадник Судило Иванкович, а знак на ней при этом пришлось бы отнести князю Ярославу Изяславичу (на новгородском столе в 1148—1154 гг.), единственному остающемуся пока без тамги Мстиславичу при посаднике Судиле.

На печатях № 293 и 294, несущих, по мнению В. Л. Янина, варианты одной тамги, помещено изображение святого Андрея Первозванного. По-видимому, тот же святой изображен, как мы помним, на булле № 290, атрибуированной выше в качестве печати посадника Завида Неревинича с тамгой князя Романа Ростиславича. Если это действительно так (проверить правильность определения святого буллы № 290 удастся лишь в случае находки лучших по сохранности экземпляров булл данной разновидности), то и печати № 293 и 294 могут быть отнесены посаднику Завиду. Тамга в виде двузубца прямоугольных очертаний на этих буллах, отличающаяся от рассмотренной выше тамги печатей № 290 и 291 добавлением к вершине левого зубца второго отрога, отогнутого вправо (табл. I, 23), следовательно, должна принадлежать одному из Мстиславичей, княживших в Новгороде при посаднике Завиде Неревиниче, посадничавшем в 1175—1176, 1177—1180 и

⁴² Знаки булл № 285—286, 295 и № 283—284 (табл. I, 17—18); см.: Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати. . . , с. 28.

⁴³ Янин В. Л. Актовые печати. . . , т. 1, с. 93, примеч. 5.

1184—1186 гг.: Мстиславу Романовичу (1178 г.), Роману Ростиславичу (1179 г.), Мстиславу Ростиславичу Храброму (1179—1180 гг.) или Мстиславу Давыдовичу (1184—1187 гг.). Кандидатура Романа Ростиславича сразу же отпадает, ибо его знак, помещенный па буллах № 290 и 291, нами уже определен. Из остальных трех перечисленных князей наибольшие и одновременно равные шансы на обладание тамгой булл № 293 и 294 имеют Мстислав Храбрый и Мстислав Давыдович, а принадлежность этой тамги Мстиславу Романовичу следует признать маловероятной, так как само его новгородское княжение ставится под сомнение.⁴⁴

Присутствие святого воина на печати № 301, владельца тамги которой мы ранее определили как происходящего непосредственно от князя Ростислава Юрьевича (на новгородском столе в 1138—1139 и 1141—1142 гг.), заставляет видеть в этом святом патроне или посадника Жирослава или посадника Завида Неревинича.⁴⁵ Но, поскольку для Завида выше, в процессе атрибуции булл № 290, 293 и 294, было предложено христианское имя Андрей, остается предположить, что святой воин (Георгий или Димитрий?) печати № 301 является патроном посадника Жирослава. Это позволяет несколько уточнить атрибуцию последней буллы: при посаднике Жирославе (на посадничестве в 1169/70—1171, 1171—1172 и 1175 гг.) из потомков Ростислава Юрьевича княжили его сын Мстислав (его второе новгородское княжение: 1175—1176 гг.) и внук Святослав Мстиславич (недолго занимал новгородский стол весной 1175 г.); таким образом, оба эти князя могут претендовать на знак буллы № 301, датируемой в любом случае 1175 г.

Печать № 292 со знаком в виде двузубца прямоугольных очертаний, отличающимся от тамги булл № 290 и 291 только появлением дополнительного отростка на венчающем правый зубец левом отростке (табл. I, 22), несет на себе также изображение архангела, при определении имени которого у исследователей возникли разногласия.⁴⁶ Внимательное изучение в подлиннике лучшего по сохранности экземпляра этой печати (№ 292, 10) заставляет решить спор о том, какой архангел изображен здесь, Михаил или Гавриил, не в пользу последнего. Из трех расположенных вертикально одна над другой букв, которые удастся разобрать справа от фигуры архангела, две нижние читаются достаточно ясно как Н и Л, тогда как верхняя буква не совсем разборчива. Однако она во всяком случае псеидентична по написанию второй из сохранившихся целиком букв, т. е. Н, и не является буквой I, а равно не может быть отождествлена ни с одной другой буквой, входящей в имя Гавриил (ГАВРИИЛЪ, греч. ГАВРИИΛ).

⁴⁴ Там же, с. 93.

⁴⁵ Ср.: Молчанов А. А. О четырех новгородских посадничьих печатях XII в., с. 217.

⁴⁶ Ср.: Лихачев Н. П. Материалы..., вып. 2, с. 201; Япин В. Л. 1) Вислые печати..., с. 152; 2) Актовые печати..., т. 1, с. 135, 139, 143, 145, 218.

В то же время в ней вполне допустимо усматривать, например, букву М, частично утраченную. Таким образом, в изображенном на булле № 292 патроне посадника приходится видеть архангела Михаила. Архангел Михаил изображен, по-видимому, и на печати № 299, которая была ранее атрибутована нами как печать посадника Михалки Степановича.⁴⁷ Естественно, возникает предположение, что и булла № 292 принадлежит тому же посаднику Михалке Степановичу (посадничал в 1176—1177, 1180—1184, 1186—1189 и 1204—1205 гг.). Во время его посадничества из смоленских Мстиславичей, возможных обладателей тамги в виде двузубца прямоугольных очертаний, в Новгороде княжили Ярослав Владимирович (два его первых княжения: зима 1181/82—1184 и 1187—1196 гг.) и Мстислав Давыдович (1184—1187 гг.). Следовательно, датировать буллу № 292 можно либо 1181/82—1184 и 1187—1189 гг., либо 1186—1187 гг.

Как уже говорилось, в Новгороде в XII—начале XIII в. (точнее, до 1230 г.) княжили представители трех ветвей Рюрикова дома, и при этом суздальские Юрьевичи пользовались колоколовидными и багровидными тамгами, а смоленские Мстиславичи — тамгами в виде двузубцев прямоугольных очертаний. На вопросе же о том, какие знаки можно было бы отнести черниговским князьям, мы ранее специально не останавливались, хотя знак князя Давыда Святославича (сына родоначальника этой ветви Рюриковичей) был уже атрибутован нами.⁴⁸ Этот знак представляет собой вертикальную черту с большим отрогом, отходящим от ее середины под прямым углом, в виде отдельного отогнутого влево зубца с добавочным отрогом внутрь (табл. I, 25). Генетически связанным с ним из всех знаков, встречающихся на новгородских посадничьих печатях рассматриваемого типа, может быть признан лишь знак на булле № 296, имеющий вид трезубца прямоугольных очертаний с прямыми вершинами всех трех зубцов, по с отрогом влево на левом зубце и отрогом вправо на среднем зубце (табл. I, 26), поскольку он сохраняет в основе своей графической схемы то же сочетание центральной вертикальной линии с отходящими от нее под прямым углом боковыми зубцами.

Наш вывод о принадлежности знаков подобной формы черниговским князьям, потомкам Святослава Ярославича, подкрепляется одной давно известной археологической находкой. В 1908 г. в урочище Святое Озеро на Черниговщине был найден клад, в котором оказался перстень с изображением тамги той же принципиальной схемы — трезубца прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу боковыми зубцами и прямым центральным зубцом, растроеным на конце (табл. I, 35).⁴⁹ Отнесение же знака буллы

⁴⁷ Ср.: Молчанов А. А. 1) Знаки княжеской собственности..., с. 15; 2) О четырех новгородских посадничьих печатях XII в., с. 217.

⁴⁸ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 27—28.

⁴⁹ Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове. М., 1916, с. 39—40, рис. 13.

№ 296 одному из новгородских князей черниговской ветви рода Рюриковичей позволяет атрибутировать саму буллу, несущую на себе, помимо тамги, патрональное изображение святого Анании Персского.⁵⁰ В XII—первой половине XIII в. в Новгороде из черниговских Святославичей княжили Святослав Ольгович (1136—1138 и 1139—1141 гг.), Владимир Святославич (1180 и 1181 гг.), Святослав Всеволодович (1180—1181 гг.), Ярополк Ярославич (1197 г.), Михаил Всеволодович (1225 и 1229—1230 гг.) и Ростислав Михайлович (1230 г.). При Святославе Ольговиче посадили Константина Микульчич (1136—1137 гг.) и Якун Мирославич (его первое посадничество: 1137—1141 гг.), христианское имя которого было Василий;⁵¹ при Владимире Святославиче и Святославе Всеволодовиче — Михалко Степанович (его второе посадничество: 1180—1184 гг.); при Ярополке Ярославиче — Мирослава Нездинич (1189—1204 гг.), носивший христианское имя Мина;⁵² при Михаиле Всеволодовиче — Иванко Дмитриевич (1220—1229 гг.) и Внезд Водовик (1229—1230 гг.); при Ростиславе Михайловиче — тот же Внезд Водовик. Поскольку из всех перечисленных посадников — возможных претендентов на обладание буллой № 296 — неизвестно христианское имя лишь Внезда Водовика, именно ему только и остается приписать данную буллу (датируемую, таким образом, 1229—1230 гг.). Тогда тамга на последней должна быть отнесена князю Михаилу Всеволодовичу или его сыну Ростиславу.

После этой атрибуции неопределенным оказывается христианское имя единственного новгородского посадника того хронологического периода, к которому относятся посадничьи печати с изображением княжеских знаков, — Якуна (на посадничестве в 1167—1169/70 гг., причем до 14 апреля 1168 г. при отсутствии в Новгороде князя). В то же время неатрибуированной остается принадлежащая к данному типу булл печать № 289, несущая изображения святого Кирилла и тамги в виде двузубца⁵³ прямоугольных очертаний (нижний отрог ее прямой, левый зубец имеет крестообразное завершение, а правый оканчивается отрогом вправо; табл. I, 20). Если истинное происхождение данной буллы новгородское,⁵⁴ то ее можно было бы приписать посаднику Якуну, а знак на ней — князю Роману Мстиславичу (на новгородском столе в 1168—1170 гг.). С таким определением хорошо согласуется и форма тамги буллы № 289. Итак, в конечном результате все буллы рассматриваемого типа сколько-нибудь удовлетво-

⁵⁰ Янин В. Л. Актовые печати... т. 1, с. 142.

⁵¹ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 28—29.

⁵² Там же, с. 25.

⁵³ Хотя верхний конец нижнего отрога и возвышается над горизонтальным основанием тамги, образуя с ним крестовидное пересечение, этот верхний выступ выражен все-таки явно недостаточно, для того чтобы признать его равнозначным центральному зубцом, а саму тамгу отнести в разряд трезубцев.

⁵⁴ Так же, как и булла № 299, она приобретена в Стамбуле.

рительной сохранности, пригодные для изучения,⁵⁵ получают не имеющие противоречий точные определения как атрибуты смесного суда посадника и князя в Новгороде 40-х годов XII в.—20-х годов XIII в. (см. сводную таблицу новгородских посадничьих булл).

Кроме булл с княжескими тамгами, институт новгородского посадничества в XII в. мог использовать иногда, при особых обстоятельствах (в первую очередь при отсутствии на столе князя), и буллы другого типа, а именно с патрональными изображениями святых на одной стороне и символом Христа на обороте.⁵⁶ Однако совершенно невозможно с помощью одних только этих печатей, как предлагает Б. Д. Ершевский, заполнить огромную, более чем столетнюю, лауну в посадничьей сфрагистике Новгорода, которая образуется при отказе от предложенной нами атрибуции булл с изображением княжеских знаков. В. Л. Янин насчитывает 13 экземпляров булл в той группе, для которой возможна посадничья принадлежность.⁵⁷ Правда, Б. Д. Ершевский говорит о 120—130 экземплярах,⁵⁸ причисляя сюда многочисленную группу пломб дрогичинского типа, несущих изображения святых и простого или процветшего четырех- и шестиконечного креста. Однако нет никаких серьезных оснований смешивать два вида сфрагистических памятников — буллы и пломбы — и в данном случае, как и во всех других, тем более что, окажись хотя бы некоторые из пломб посадничьими печатями, мы стали бы свидетелями необъяснимой деградации посадничьей буллы в XII—начале XIII в. по сравнению со второй половиной XI—началом XII в. (буллы протопроедра Евстафия и посадников 1117—1136 гг.).

Завершение исследования новгородских печатей с изображением княжеских знаков значительно пополняет число определенных индивидуальных эмблем князей Рюриковичей, живших в XII—первой половине XIII в. Суммирование же всех произведенных атрибуций отдельных тамг по отношению к тому или иному представителю Рюрикова дома (табл. II) дает возможность сделать наблюдения обобщающего характера над иконографией княжеского лично-родового знака практически на протяжении всего времени его бытования. Сначала лично-родовой знак княжеской собственности — двузубец простейшей формы как символ единства правящего княжеского рода переходит по наследству

⁵⁵ Исключение составляет булла № 304 с неопределимым изображением святого, но с хорошо читаемой колоколовидной тамгой. Тамга на ней трактована настолько свободно (с добавлением орнаментальных деталей), что не поддается формализации в единственно возможную точную графическую схему.

⁵⁶ Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962, с. 121—123; 2) Актовые печати..., т. 1, с. 152—153; Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 21—22.

⁵⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, с. 320—321, № 332—341, 344.

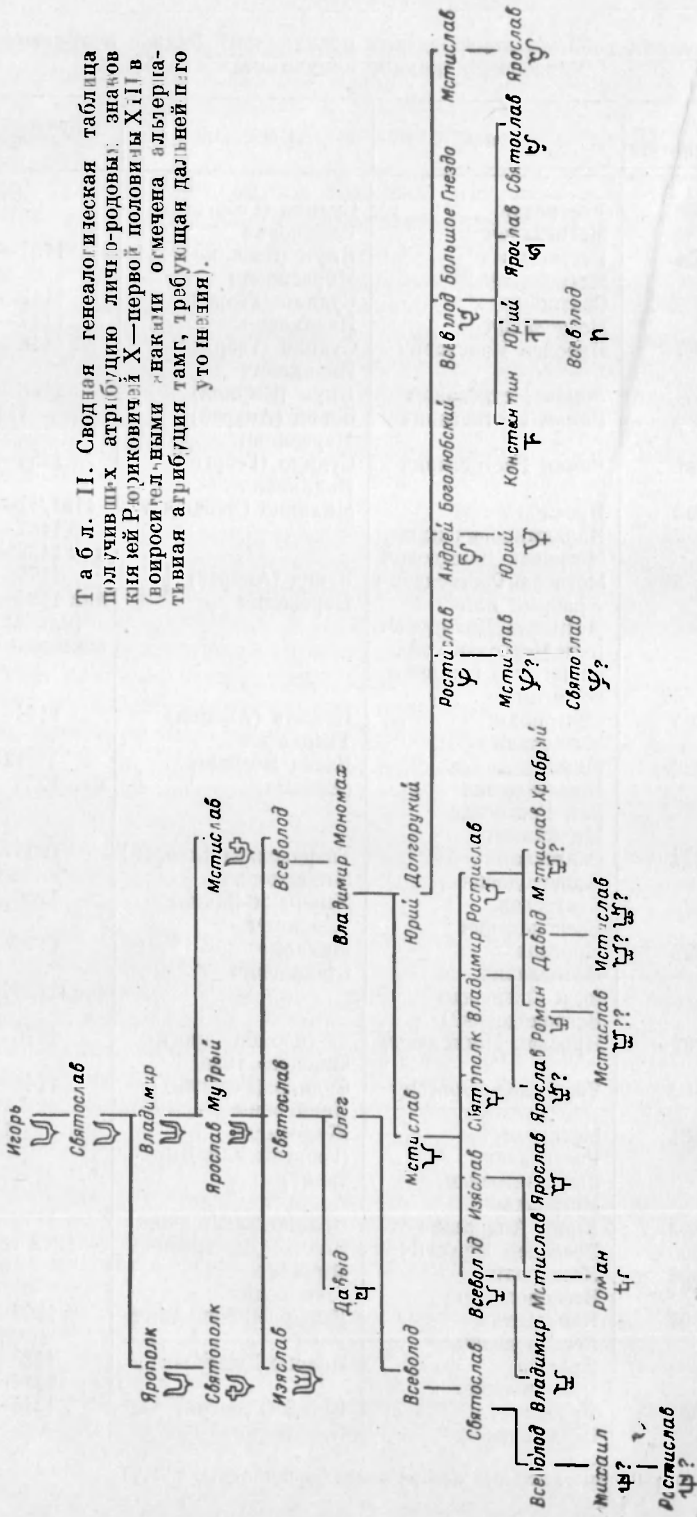
⁵⁸ Ершевский Б. Д. 1) Об атрибуции..., с. 52; 2) Об одной группе..., с. 51; 3) Новгородские свинцовые пломбы..., с. 10.

Сводная таблица новгородских посадничьих булл с изображением княжеских знаков, получивших атрибуцию

Номер буллы (по Корпусу)	Князь	Посадник	Предложенная датировка
283	Ростислав Мстиславич	Судило (Георгий) Иванкович	1154
284	Ростислав Мстиславич	Якун (Василий) Мирославич	1157—1158
285, 286	Святополк Мстиславич	Судило (Георгий) Иванкович	1142—1144, 1147—1148
287	Ярослав Изяславич	Судило (Георгий) Иванкович	1148—1154
289	Роман Мстиславич	Якун (Кирилл)	1168—1169/70
290	Роман Ростиславич	Завид (Андрей) Неревинич	1179
291	Роман Ростиславич	Судило (Георгий) Иванкович	1154—1155
292	Ярослав Владимирович или Мстислав Давыдович	Михалко Степанович	1181/82—1184 и 1187—1189
293, 294	Мстислав Ростиславич Храбрый или Мстислав Давыдович (или Мстислав Романович, что наименее вероятно)	Завид (Андрей) Неревинич	или 1186—1187 1179—1180 или 1184—1186 (или 1178, что наименее вероятно)
295	Святополк Мстиславич	Нежата (Анания) Твердятич	1144—1146
296	Михаил Всеволодович или Ростислав Михайлович	Внезд Водовик (Анания)	1229 или 1229—1230
297	Святослав Всеволодович	Твердислав (Николай) Михалкович	1208—1210
298	Святослав Всеволодович	Мирошка (Мина) Нездинич	1200—1204
299	Ярослав Мстиславич (или Святослав Всеволодович?)	Ярослав Михалко Степанович	1176—1177 (или 1204—1205?)
299-а	Ярослав Мстиславич	— (пломба дрогичинского типа)	1176—1177
300	Ростислав Юрьевич	Судило (Георгий) Иванкович	1141—1142
301	Мстислав Ростиславич или Святослав Мстиславич	Жирослав (Георгий или Дмитрий?)	1175
302	Юрий Андреевич	Иванко Захарьинич	1172—1175
305	Всеволод Юрьевич	Иванко Дмитрович	1222 или 1224
306	Константин Всеволодович	Михалко Степанович	1205
307	Константин Всеволодович	Дмитр Мирошкенич	1205—1207
308	Ярослав Всеволодович	Иванко Дмитрович	1223—1224 или 1226—1228
309	Ярослав Всеволодович	Юрий (Георгий) Иванкович	1215—1216

Т а б л. II. Сводная генеалогическая таблица
 получивших атрибуцию личностей X—первой половины XIII в.
 князей Рюриковичей X—первой половины XIII в.
 (попросительными князьями отмечена альтернативная атрибуция там, требующая дальнейшего уточнения).

от отца к сыну без изменений (по крайней мере у Игоря и его сына Святослава он несомненно одинаков). Первые изменения исходной схемы тамга Рюриковичей претерпевает тогда, когда прежнее внутрдинастическое единство нарушается при сыновьях Святослава Игоревича. Появление дополнительного элемента в знаке Владимира Святославича — третьего зубца — было свя-зано, скорее всего, с желанием противопоставить традиционному двузубцу киевского князя, унаследованному Ярополком Святосла-вичем, несколько отличную от него эмблему. Так началось исполь-зование системы «отпятнышей» для образования новых вариан-тов старого родового княжеского знака. Полное развитие оно получило с окончательным разделением Рюрикова дома на обо-собленные ветви (ср.: Мономашичи смоленские и суздальские, Святославичи—Ольговичи черниговские и другие четко выделяе-мые летописцами в XII—XIII вв. ветви), представители которых использовали тамги особых разновидностей. Если до середины XI в. обладание лично-родовым знаком, выступающим одновре-менно в качестве государственной геральдической эмблемы, оста-ется, по-видимому, официально признанной привилегией киев-ского князя, а одновременное употребление его другим членом княжеского рода связывается всегда с его честолюбивыми устрем-лениями в отношении захвата или раздела верховной власти в го-сударстве (именно поэтому от первой половины XI в. известны тамги лишь Святополка Окаянного, Ярослава Мудрого и Мсти-слава Храброго), то в XII—начале XIII в. правом пользования своим индивидуальным знаком обладают уже многочисленные владетельные представители различных линий разросшегося рода Рюриковичей в Киеве, Новгороде, Владимире, Чернигове, Смо-ленске и т. д. И как следствие этого на первую половину XIII в. падает кризис русской княжеской геральдики: лежавшая в основе употребления лично-родовой тамги Рюриковичей система «отпят-нышей» полностью исчерпывает возможности своего применения, а сама тамга оказывается вынужденной уступить место террито-риально-родовым и сугубо индивидуальным геральдическим эмблемам.⁵⁹

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ПЕЧАТЬ НИЛА

(Киевская находка 1976 г.) *

В начале 1977 г. Е. Ч. Скржинская узнала о найденной во время раскопок 1976 г. в Киеве печати с греческой надписью (рис. 1, 2). Обстоятельства находки (поздняя яма, выкопанная в культурном слое не только XIII, но и XII—XI вв.) не позво-

⁵⁹ Ср.: Янин В. Л. Княжеские знаки... с. 16.

* Публикация подготовлена А. К. Гавриловым.